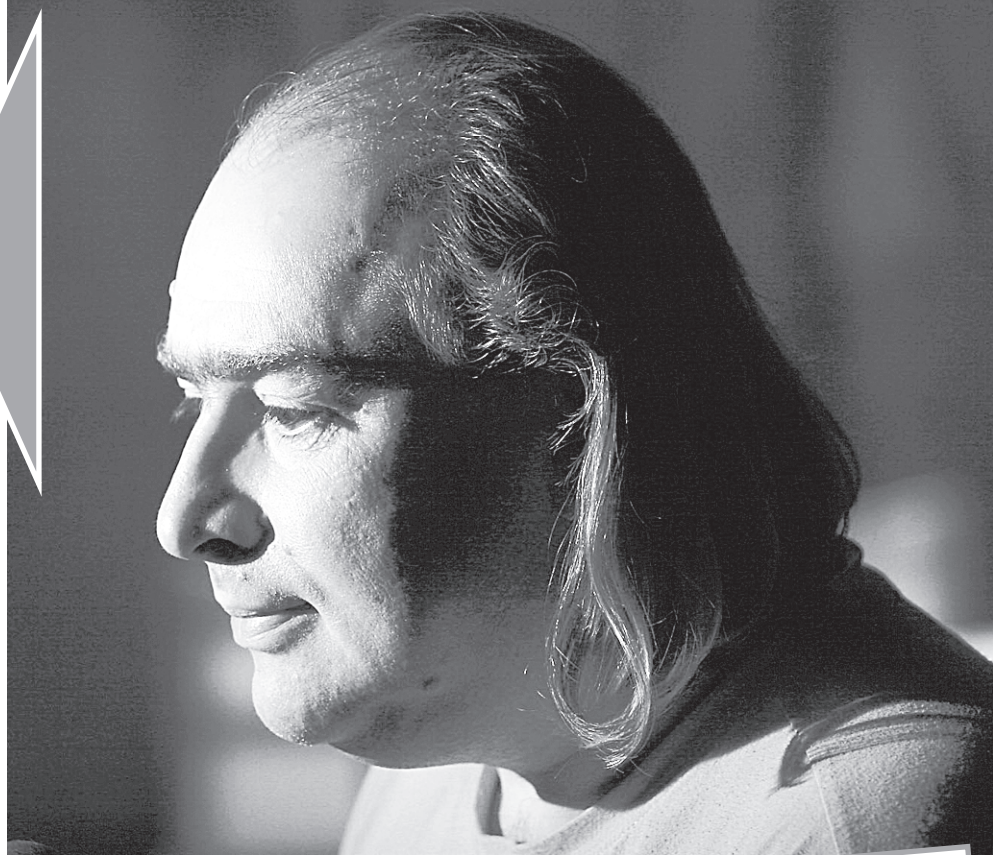

ИЗВЕСТНЫЙ РЕЖИССЕР
РАССКАЗАЛ КОРРЕСПОНДЕНТУ
«ВП» О ТОМ, КАК ОН ПРОВОДИТ
ВРЕМЯ В МЕГАПОЛИСЕ,
КАК ПРЕДЛАГАЛ АЛИСЕ
ФРЕЙНДЛИХ СЫГРАТЬ КОРОЛЯ
ЛИРА И ПОЧЕМУ В СТАРОСТИ
ОН МОЖЕТ СТАТЬ ЛИРОМ САМ

Андрей Жолдак: Возможно, мое предназначение быть вечным скитальцем?

— Природа помогает ощутить состояние духовной чистоты, как бы возвратиться в то пространство, где все мы были когда-то, которое можно назвать преддверием рая. Вообще искусство должно приводить человека в такое состояние, но сегодня театр живет в отсутствие этого.

Украинец по рождению, германец по месту жительства и космополит по месту работы, Жолдак — режиссер театральному Петербургу известный. Он поставил у нас три драматических спектакля и одну оперу; «Балтийский дом» неоднократно привозил его зарубежные постановки на свой главный фестиваль. 7 мая состоится еще одна петербургская премьера Жолдака — «Жолдак dreams: Похитители чувств» по мотивам «Слуги двух господ» Гольдони — в БДТ, а 5 и 6 мая будет возобновлен «Евгений Онегин» в Михайловском театре.

УБИВАТЬ НУЖНО НА СЦЕНЕ, А НЕ В ЖИЗНИ

— Судя по вашим петербургским спектаклям, вы режиссер с мистическим видением мира...

— Никуда не деться от моей украинской природы, которая тянется к гоголевской стихии, мистической по сути. Мой учитель по ГИТИСу, гениальный Анатолий Васильев, разбудил мою психофизику, и мои природные силы вырвались наружу. Огромное воздействие оказал и личный опыт. Так, пять лет назад, поставив в Финляндии «Анну Каренину», я два месяца жил в северных горах — в доме без водопровода и электричества. Ко мне забредали дикие лоси, олени тыкались мордами в стены, стуча рогами. Порой было опасно просто выйти в туалет. На этих снежных вершинах живет народ саами, и финны познакомили меня с их шаманами, объяснив, что я режиссер и хочу делать спектакль о Короле Лире, только северном. Я был допущен к тайным действиям: при мне проводили ритуалы с огнем, убивали животных и пили их кровь, лечили мальчика. Старый шаман понимал по-английски, и мы много с ним общались.

А этим летом я на какое-то время укрылся в маленьком селе в Пиренеях. В тех местах долго видна луна, кажется, что постоянно; слышно, как горы гудят, а море зеленеет как каким-то чудовищем. Там я понял, как возникло мировидение Лорки или Дали. Эти впечатления оставили в моей душе большой след.

— Я слышал, вы хотели поставить «Короля Лира» и заглавную роль предлагали Фрейндлих, причем затевалось это до громкого спектакля Богомолова (у которого Лиром тоже была актриса, а не актер).

— Я хотел поставить парафраз шекспировской трагедии, перенес действие куда-то на закат советской эпохи. Алисе Бруновне предлагал сыграть мать семейства, обладав-

шую некогда огромной властью, а ныне живущую под надзором трех дочерей, которые выдают ее за безумную. Дочери хотят найти сокровища, которые она запрятала. Я думал завершить сюжет тем, что дочери умерщвляют старуху-мать и она раздваивается — душа отделяется от тела и наблюдает за тем, что происходит: дети препарируют тело матери, а затем съедают. Мы вели с Алисой Бруновной переговоры, но в результате она отказалась. Прошло какое-то время, и я предложил сыграть Лира Олегу Басилашвили, причем в условиях домашнего театра, сняв огромную старую квартиру в центре города. Она была бы обителищем Лира, откуда три девочки хотят выселить выжившего из ума старика. Этот Лир виделся мне не стариком в короне, пафосно читающим монологи, а обычным на вид дедушкой — в халате и тапочках. Басилашвили не мог принять такое решение: «Андрей, как Король Лир может быть в домашних тапочках? Тогда надо писать другую пьесу». В итоге он, как и Алиса Бруновна, отказался, представляете? А такие великие мастера. Жалко...

— Их можно понять: замысел-то радикальный...

— Может, и радикальный, но не такой уж новый. От Дианы Вишнёвой я слышал о балете, который Матс Экк поставил в Стокгольме несколько лет назад. Это была история семейной пары: жена мечтает о ребенке, и он, материализовавшись, становится причиной расставания супругов; тогда героиня жарит ребенка в микроволновке и съедает. Да, это была провокация — и при этом великий балет. Моя позиция такая: убивать и съедать нужно на сцене, а не в жизни. Получается же наоборот. В жизни люди (режиссеры и артисты в том числе) делают гадости, убивают, калечат, но зато потом мы хотим говорить со сцены, какие мы розовые и пушистые, о том, что театр это миссия и он спасет человечество. Но, по-моему, чтобы

помочь человеку, нужно подвести его к осознанию своей потерянности, падшести, деструктивности: чтобы он вспомнил, что он, Человек, создан для чего-то высокого.

ЛЕНА НЕОБХОДИМА МНЕ КАК ТАЛИСМАН

— А почему же возник Гольдони? Полнокровная комедия дель арте вроде бы не самый подходящий для этого материал...

— Десять лет назад я поставил в Харькове «Гольдони. Венеция», этапный для меня спектакль. Он был поставлен по законам снов. Это были сны об исчезновении Венеции, ее культуры. Сейчас мне захотелось вернуться к Гольдони. Приступая к работе, я думал, что поставлю эту пьесу в рамках чистой комедии дель арте, игрового театра, где торжествует актер. Но вскоре меня будто чья-то рука повела и я осознал, что сюжет Гольдони стал лишь одним из поводов для высказывания. Я стал сочинять по мотивам пьесы новую историю... и сейчас, на стадии прогона, спектакль идет четыре часа. К премьере придется сокращать до трех.

— В «Слуге двух господ» играет Елена Калинина, ваша мадам Бовари. Думаю, одна из причин ее ухода из МДТ — творческая «зараженность» вами. Ее график в МДТ не совпадал с предполагаемыми проектами Андря Жолдака...

— С Леной произошла Встреча. (Так и напишите с большой буквы.) Это тот случай, когда мне не хочется рвать нить, связывающую меня с актером. Эфрос делил актеров на тех, у кого непроницаемая кожа, и тех, у кого ее будто бы и нет. (После многих лет работы в театре могу добавить, что артисты бывают также деревянные, пластиковые и даже железобетонные!) Лена — натура сверхчувствительная, у нее, в самом деле, будто нет кожи; и на репетиции, кажется, видишь ее свечение. Кирилл Серебренников, посмотрев «Мадам Бовари», был восхищен Калининой. Летом я должен был ставить на нее «Грозу» в «Гоголь-центре», но из-за финансовых проблем проект отложился. В случае с Гольдони мое прочтение пьесы не позволило Лене развернуться, у нее будет небольшая роль. Но она мне необходима в этом спектакле — считайте, как талисман.

ПРЕДСТАВЛЯЮ СЕБЯ ЖИВУЩИМ В КОРОБКЕ НА БЕРЕГУ ОКЕАНА

— Когда после странствий по театрам разных стран вы возвращаетесь к себе в Берлин, как отдыхаете?

— Там у меня есть машина. Я сажусь в нее, врубаю музыку и еду по ночному мегаполису на скорости больше 200 км в час. И во время сумасшедшей езды на грани аварии я отдыхаю, такой у меня способ выбросить адреналин. Но зато мне не нужно, скажем, курить марихуану.

Или наоборот — я помещаю себя в тотальную тишину. В Берлине много парков, и я люблю сидеть на природе наедине с собой, с дождем... Природа помогает ощутить состояние духовной чистоты, как бы возвратиться в то пространство, где все мы были когда-то, которое можно назвать преддверием рая. Вообще искусство должно приводить человека в такое состояние, но сегодня театр живет в отсутствие этого. Один из последних великих режиссеров, занимавшихся чем-то подобным, — для меня Тарковский.

Я живу в Берлине уже 10 лет, снимаю там квартиру (не забывая иногда приезжать в родной Киев). Но если подсчитать, сколько времени я нахожусь в Берлине, получится всего месяца два-три за год. Приезжаю туда передохнуть, прийти в себя, побыть с детьми. В общем, хотя я вроде бы обосновался в Германии, не могу сказать, что я постоянно там живу. Так складывается моя режиссерская жизнь, что нужно много ездить. Может, в этом мое предназначение — оставаться вечно приглашенным режиссером, вечным скитальцем? Может, через много-много лет я сам превращусь в Лира, безумного старика с длинной бородой... Бывают у меня такие проблески... Мне представляется, что в старости я живу в коробке на берегу океана где-то в Португалии. Что я просыпаюсь утром — и вижу песок, камни, океан.

Беседовал Евгений АВРАМЕНКО
Фото Владимира ЛУПОВСКОГО

Полную версию интервью
читайте на нашем сайте
vppress.ru

